

А. Богданов

**Материалы для антропологии курганного
периода в Московской губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Богданов**
Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии / А. Богданов – М.: Книга по Требованию, 2016. –
186 с.

ISBN 978-5-518-11124-0

ISBN 978-5-518-11124-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АНТРОПОЛОГИИ КУРГАННОГО ПЕРИОДА

ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Предлагаемое сочинение вызвано желаніемъ изучить, хотя отчасти, народонаселеніе средней Россіи съ антропологической точки зрѣнія и въ двухъ его фазахъ: въ самую древнѣйшую эпоху заселенія Московской и прилегающихъ къ ней губерній, въ такъ называемый курганный періодъ, и въ самую ближайшую, т. е. въ наше время. Материаломъ для этого послужили, какъ коллекціи Общества Любителей Естествознанія, составленныя имъ для краниологическаго собранія Московскаго Университета, такъ и моя собственная, довольно значительная курганная коллекція, имѣющая также войти вскорѣ въ составъ Университетскаго собранія. Особенно благоприятныя условія, представляемыя Русскою этнографическою выставкою въ Москвѣ въ 1867 году, а также та усиленная энергія, которую Общество прилагало въ продолженіи трехлѣтняго своего существованія къ собиранію краниологическаго матеріала, сдѣлали возможнымъ осуществленіе въ столь короткое время такой коллекціи, которая могла уже дать достаточно полный матеріалъ для серьезной обработки нѣкоторыхъ, не лишенихъ значенія и интереса, антропологическихъ вопросовъ. Такъ какъ мнѣ удалось въ свою очередь оказать нѣкоторое содѣйствіе Обществу по устройству его коллекціи, то оно вознаградило меня за это тѣмъ, что предоставило мнѣ полное право пользоваться при своихъ изслѣдованіяхъ этою коллекціею. Это право, въ соединеніи съ значительнымъ по интересу матеріаломъ, и обусловило возможность появленія опыта антропологическаго изслѣдованія населенія средней Россіи, и преимущественно Московской губерніи.

«Антропологическіе матеріалы», по принятому мною плану, должны составить двѣ части, изъ коихъ первая будетъ посвящена *Материаламъ для курганнаго періода Московской губерніи*. Эта часть должна распадаться на три отдѣла: первый будетъ заключать частныя данныя раскопокъ, т. е. систематическое изложеніе фактовъ, полученныхъ изъ изученія раскопокъ въ каждомъ уѣздѣ и разсматриваемыхъ отдѣльно въ каждой мѣстности. Второй отдѣлъ будетъ представлять попытку сравнительнаго изученія строенія и его особенностей у всѣхъ представителей курганнаго племени во всей Московской губерніи, какъ взятой отдѣльно въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и сравнительно съ тѣми, къ сожалѣнію немногими данными, которыя мы имѣемъ относительно курганныхъ жителей подмосковныхъ губерній. Въ заключеніи этого отдѣла я коснусь, на сколько это возможно, и вопроса объ отношеніи курганнаго племени къ финскимъ племенамъ. Наконецъ третій отдѣлъ будетъ посвященъ изученію тѣхъ археологическихъ предметовъ, которые найдены въ курганахъ и даютъ понятіе объ условіяхъ жизни курганнаго періода. Такъ какъ основательное изученіе матеріаловъ этого отдѣла выходитъ изъ моей специальности, то я долженъ былъ бы отказать въ видѣтѣ свой трудъ дополненнымъ подробнымъ изученіемъ сдѣланныхъ мною археологическихъ находокъ въ курганахъ. Но къ счастью я получалъ въ этомъ случаѣ обѣщаніе содѣйствія слѣдующихъ специалистовъ: М. Я. Киттары не отказался просмотрѣть и изучить кожи и ткани, П. А. Григорьевъ принялъ на себя не легкую задачу подвергнуть химическому анализу найден-

ныя металлическія и стекляныя вещи; Н. Б. Ауэрбахъ разсматрѣлъ бусины и другія украшенія съ минералогической точки зрѣнія; Н. Н. Каушанинъ согласился опредѣлять тѣ куски дерева, которые находимы были въ курганахъ. Наконецъ Н. Д. Бѣляевъ принялъ на себя общую обработку археологической коллекціи. Сдѣйствіе такихъ специалистовъ сдѣлаетъ несомнѣнно изъ этого отдѣла собраніе многихъ интересныхъ и новыхъ фактовъ. На мою долю придется въ этомъ отдѣлѣ просмотрѣть только кости животныихъ, найденныхъ въ курганахъ.

Вторая часть этого сочиненія представитъ *«Матеріалы для антропологии русскихъ»*. Она должна въ свою очередь подраздѣлиться на слѣдующіе отдѣлы: отдѣлъ *первый* — изученіе краниологии русскихъ череповъ. Матеріаломъ для этого послужитъ, какъ коллекція составленная подъ руководствомъ П. М. Соколова въ здѣшнемъ анатомическомъ театрѣ, такъ и болѣе многочисленная коллекція череповъ московскихъ жителей прошлаго столѣтія. Дополненіемъ и повѣркою будетъ второй отдѣлъ, касающійся измѣреній надъ живыми русскими различныхъ возрастовъ, произведенныхъ А. П. Федченко и В. Ф. Ошанинымъ. Благодаря А. П. Клементовскому и имѣю, кромѣ того, значительное число (болѣе 1000) измѣреній надъ младенцами воспитательнаго дома. В. П. Кохъ передалъ мнѣ также матеріалъ, собранный въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Университетской Клиникѣ. Всѣ эти данныя, по своей численности и значенію, могутъ сдѣлать этотъ отдѣлъ очень интереснымъ. Наконецъ третій отдѣлъ будетъ касаться энцефаломики русскихъ. Въ объясненіе этого отдѣла можетъ служить издаваемый при Обществѣ Любителей Естествознанія, по просвѣщенной инициативѣ Н. М. Аласина, русскій этнографическій альбомъ, заключающій въ себѣ значительное число великолѣпныхъ фотографій наиболѣе характеристическихъ лицъ несомнѣнно русскаго происхожденія.

Такова общая программа того сборника матеріаловъ, начало котораго я теперь представляю на судъ публики. Я бы просилъ только читателей усвоить себѣ, при оцѣнкѣ моего труда, ту точку зрѣнія, съ которой я исключительно сматрѣлъ на него, т. е. видѣть въ немъ не болѣе какъ попытку собрать нѣсколько интересныхъ матеріаловъ, такъ какъ при бѣдности имѣющихся въ литературѣ предварительныхъ изслѣдованій по затрогиваемымъ мною вопросамъ, а всего болѣе по новизнѣ этого дѣла для меня самаго—я не желалъ, да и не могъ имѣть въ виду чего либо законченнаго, монографическаго. Хотя работы по этому сочиненію и потребовали около трехъ лѣтъ постоянныхъ усилій, но результаты далеко не соответствуютъ употребленному труду между прочимъ и потому, что много сначала шло его на предварительную подготовку необходимыхъ пособій.

Нуженъ былъ трудъ на собраніе матеріала, на ознакомленіе съ техникой, а часто, кромѣ того, на устраненіе чисто внѣшнихъ препятствій, протекавшихъ отъ того, что антропологическія занятія были новизною для многихъ, отъ которыхъ зависѣло полученіе самаго матеріала, и потому они сматрѣли на дѣлаемые усилія, какъ на предметъ не стоющій вниманія. Отъ этого происходили задержки, трата времени, и все это конечно не могло не отразиться и на самомъ результатѣ. Я не могъ ничего собрать кромѣ матеріаловъ, и потому на данныхъ этого сочиненія справедливость требуетъ сматрѣть только съ этой точки зрѣнія.

Я назвалъ свое сочиненіе *«Антропологическими матеріалами»*, а не этнологическими или этнографическими, какъ можетъ быть многимъ казалось бы болѣе естественнымъ назвать ихъ. Я стою, однако же, за слово антропологическій, потому что вижу въ немъ существенное значеніе. Чтобы уяснить мою точку зрѣнія въ этомъ отношеніи, я позволю себѣ здѣсь остановиться нѣсколько на отношеніи антропологии къ этнографіи.

Споръ о взаимномъ отношеніи антропологии и этнографіи возникъ въ Лондонѣ по поводу отдѣленія нѣкоторыхъ членовъ Этнологическаго общества въ новоучрежденное Антропологическое, а также и по поводу желанія заявленнаго англійскими антропологами въ British Association устроить отдѣльную секцію антропологии. Во время этого спора, между прочими мнѣніями, высказаны были и два слѣдующія мнѣнія: одни утверждали что этнографіа и антропология одно и то же, одна наука, имѣющая только два названія, изъ которыхъ одно употребительно въ однихъ странахъ, другое въ другихъ (*). Германія усвоила себѣ терминъ «Антропология», какъ употребляемый Блюменбахомъ и другими писателями. Англія, слѣдуя примѣру Франціи, въ которой въ 1839 году возникло Этнологическое общество, усвоила себѣ терминъ «этнологическій». До сихъ поръ названіе антрополога и этнолога присвоивалось одинаково во всѣхъ странахъ писателямъ научавшимъ племена человѣческія, и слѣдовательно эти термины синонимны. Если можно допустить между ними какое либо различіе, то это только въ пользу этнологіи, какъ науки обнимающей собою, какъ естественно-историческое изученіе

(* Ethnology and Anthropology: are they distinct sciences, or one and the same science under different names? The Ethnological Journal, July 1865 № 1. стр. 1. Тамъ же № 3 (September)—стр. 141 статья подъ тѣмъ же заглавіемъ «Ethnology and Anthropology», служащая дополненіемъ первой. Въ этой послѣдней статьѣ особенно характеристичны по своей силѣ и вѣрности слѣдующія выраженія: «As to any real distinction between anthropology and Ethnology, we emphatically assert that there is none, and can be none. «в дѣлѣ» The scientific study of race as a branch of Anthropology is a simple absurdity.»

человѣка, такъ и историческое, археологическое, лингвистическое, бытовое; или другими словами: если что можно еще допустить, такъ это то, что естественнoисторическое изученіе есть только часть, и притомъ не одна изъ болѣе важныхъ, этнологіи. Въ введеніи термина «Антропологія» нѣтъ надобности, оно бесполезно для науки, оно есть результатъ желанія нѣкоторыхъ дѣятелей старому матеріалу придать новую форму и тѣмъ увеличить свои усилія, представляя ихъ какъ будто введеніемъ новой отрасли знанія, новой науки.

Другое крайнее мнѣніе, повидимому и протнворѣчащее первому (хотя преимущественно въ томъ отношеніи, что приписываемое въ первомъ этнологіи отмежевывается главнымъ образомъ на долю антропологіи) въ сущности довольно близко съ первымъ. Оно принадлежитъ Президенту Лондонскаго антропологическаго общества Джеймсу Генту (Hunt) (*), опредѣляющему антропологію какъ науку о всей совокупности природы челоѣка, или лучше сказать — сущности челоѣка. «Біологія, анатомія, химія, физиологія и философія природы должны доставлять антропологу матеріалъ для его выводовъ. Такъ какъ этнологія наследуетъ исторію племенъ, или есть наука о народахъ или расахъ, то задача антропологіи изслѣдовать происхожденіе и развитіе челоѣчества. Такъ какъ этнографія описываетъ современное положеніе и культуру различныхъ племенъ, то на долю антропологіи отбсется изученіе ихъ географическаго распространенія». «Очевидно, что наследовать происхожденіе всего челоѣчества нельзя безъ предварительнаго изслѣдованія племенъ, и первое есть только внѣнецъ предыдущаго, то отсюда выходитъ, что этнологія есть только предварительная антропологическая работа. Занимаясь географическимъ размѣщеніемъ племенъ нельзя обойтись безъ данныхъ этнографическихъ, въ которыхъ по большей части необъяснимо ихъ географическое размѣщеніе». Слѣдовательно, съ точки зрѣнія доктора Гента всѣ связанныя науки являются болѣе или менѣе данными антропологіи, берущей изъ нихъ наиболѣе существенное и пригодное и признающей у нихъ на столько самостоятельности, на сколько это нужно для чернорабочаго собиранія матеріаловъ. Вотъ почему можно считать два высказанія мнѣнія вовсе непротиворѣчащими другъ другу въ сущности, а противорѣчащими только въ томъ: кому преобладать и кому вершить

(*) «On the study of Anthrology» *Anthropological Review*, May 1863. № 1. стр. 2 и 11; особенно замѣчательно: «Anthropology is the science of the whole nature of Man.» «It is our (i. e. anthropologists) business to investigate the laws regulating the distribution of mankind.» «We look upon Anthropology as the Science of Mankind.»

зданіе науки о челоѣкѣ — антропологіи ли или этнографіи.

Вопросъ о господствѣ той или другой науки есть вопросъ праздный и стоящій ниже достоинства науки. Наука та преобладаетъ, да и то только въ томъ смыслѣ, что приноситъ больше пользы и становится болѣе необходимою, которая больше сдѣлала въ кругу своей специальности, а не та, которой посчастливилось оторвать много кусковъ у другихъ наукъ. Чтобы быть наукою, какъ и вообще чтобы быть чѣмъ-нибудь, нужно имѣть свой самостоятельный кругъ дѣйствія, имѣть резко выраженный, опредѣленный кругъ вліянія, и вліять своими особенными средствами и методами. При нѣмнѣшнемъ тѣсномъ сближеніи всѣхъ наукъ — возможно, полезно, и часто необходимо, брать для полнаго уясненія данныхъ одной науки — факты и выводы другой; но нельзя установить прочно науки изъ сбора фактовъ и выводовъ другихъ наукъ. Слѣдовательно, вопросъ о значеніи антропологіи обуславливается другими: какое особенное содержаніе можетъ имѣть эта наука, имѣть уже признанныхъ другихъ? Имѣетъ ли она свои особенныя методы? Дополняетъ ли она своими изслѣдованіями пробѣлъ въ нашемъ знаніи? Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ уясненію этихъ вопросовъ, остановимся еще на нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ содержанія антропологіи, и прежде всего на взглядѣ Броня, секретаря Парижскаго антропологическаго общества.

Броня суммировалъ свой взглядъ на антропологію въ отчетѣ о дѣятельности Парижскаго Общества, читанномъ въ первомъ торжественномъ засѣданіи Общества 4 іюня 1863 (*). Брюффонъ положилъ, говорить Броня (**), основанія Естественной исторіи челоѣка и этнографіи или описанію народовъ. Блюменбахъ положилъ основаніе этнологіи или наукѣ о расахъ челоѣческихъ. Съ допущеніемъ существованія расъ и нахожденіемъ ихъ — открылось громадное поле изслѣдованійъ ученыхъ. Нельзя было ограничиться только дополненіемъ или исправленіемъ классификаціи и описаній Блюменбаха, но нужно было изыскать происхожденіе постоянныхъ разновидностей и наследственныхъ типовъ; указать свойства, столь различныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь послѣдовательныя, совокупность которыхъ составляетъ расу. Для этого необходимо было сначала изучить вліяніе внѣшнихъ условій на организацію челоѣка, показать какое дѣйствіе оказываетъ питаніе, образъ жизни, воспитаніе физическое и умственное, индивидуальное и общественное. Нужно было доискаться: до какой степени эти различныя причины мо-

(*) «Histoire des travaux de la société d'anthropologie» (1859—1863) въ *Mémoires de la société d'anthropologie de Paris*, vol. II. Premier fascicule стр. XIII.

(**) Стр. IX.

гутъ видоизмѣнить особь и расу, и до какихъ границъ законы наследственности и атавизма могутъ удерживать эти видоизмѣненія. Затѣмъ слѣдовало опредѣлять смѣшанную народность, найти слѣды ихъ перемѣщеній, ихъ скрещиваній, изучить памятники этихъ народовъ, ихъ исторію и ихъ преданія, ихъ религію, и прослѣдить по нимъ жизнь народа во всю его исторію до самой колыбели. Вотъ совершенно новые вопросы, до того времени непоставленные даже въ наукѣ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ требуется одновременное участіе зоологій, анатоміи, физиологій, гигиены, этнологіи, исторіи, археологій, лингвистикъ и палеонтологій, и совокупныя изслѣдованія всѣхъ этихъ наукъ должны привести къ тому, чтобы образовать науку о человѣкѣ или антропологию. Хотя Брокъ приводитъ это только для уясненія того, что завѣщалъ XVIII вѣкъ послѣ трудовъ Бюффона и Блюменбаха нашему вѣку, но изъ его словъ вытекаетъ его взглядъ на антропологию и получается опредѣленіе ея; тѣмъ болѣе, что осуществленіе этой программы онъ желаетъ, какъ это видно даже, Парижскому антропологическому обществу. Объясняя затѣмъ цѣль парижскаго этнологическаго общества, онъ указываетъ, что изученіе организаціи человѣческихъ племенъ, ихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ, ихъ языка и историческихъ преданій, составляетъ задачу этнологіи, но не полную программу антропологии или науки о человѣкѣ. Описывать и классифицировать современныя расы, указывать ихъ сходства и различія, изучать способности и нравы, опредѣлять средство ихъ по языку и крови: все это безъ сомнѣнія большая доля поприща антропологии, но у нея есть еще нѣчто болѣе существенное, вопросы болѣе высокіе и общіе. Всѣ расы, не смотря на свое различіе, составляютъ одно великое цѣлое, одну гармоническую и послѣдовательную въ своихъ членахъ группу, и потому требуется опредѣлить ея положеніе въ ряду существъ, ея отношенія съ другими группами природы, ея общія свойства, какъ съ точки зрѣнія анатомической и физиологической, такъ умственной и нравственной. Нужно изучить вліяніе вѣдшихъ условій, наследственности и скрещиванія. Наконецъ, поднимаясь еще выше, мы встрѣчаемся съ вопросомъ о первобытныхъ судьбахъ человѣка, о его доисторической жизни, и слѣдимъ за послѣдовательнымъ развитіемъ его, за его медленными и трудными побѣдами надъ окружающимъ его міромъ. за тѣмъ, какъ онъ изъ безоружнаго существа становится царемъ творенія. Это всѣ задачи антропологическія, и потому этнологія есть только часть науки о человѣкѣ; другая часть есть общая антропология. Въ нынѣшнее время этнологія и общая антропология составляютъ одну, самую благородную (*la plus noble de toutes*) изъ наукъ, такъ какъ она имѣетъ своимъ предметомъ человѣка, разсматриваемаго какъ по отношенію къ

самому себѣ, такъ и въ его соотношеніяхъ съ вѣдшими міромъ. Съ этой точки зрѣнія Брокъ этнологія и этнографія являются частію антропологии.

Оскаръ Швидтъ (*) тоже опредѣляетъ антропологию, какъ науку о человѣкѣ: ея содержаніе есть познаніе человѣка. Это познаніе въ частности представляетъ слѣдующія главныя стороны: антропология должна удовлетворить соотношенію жизни человѣка съ жизнью вселенной; она должна, какъ наука о человѣкѣ, уяснить то, что человѣка дѣлаетъ человекомъ, и притомъ какъ со стороны организаціи (*соматология*), такъ и со стороны духовной жизни (*психология*). Она должна прослѣдить человѣка, какъ въ моменты его развитія, такъ и въ извѣстныхъ установившихся формахъ, и притомъ она должна показать оба эти состоянія, какъ относительно отдѣльнаго человѣка, такъ и всей совокупности рода человѣческаго, какъ цѣльнаго организма. Прослѣдить на поприщѣ исторіи развитіе народовъ, какъ частей этого организма, составляетъ также задачу антропологии, такъ какъ ни одного человѣка нельзя узнать, не узнавши народъ къ которому онъ принадлежитъ, время въ которое онъ жилъ, и условія окружавшія его. Но человѣкъ стоитъ также въ связи съ общимъ организмомъ земли, съ физическими условіями окружающими его, поэтому и отношенія его къ этимъ условіямъ, вліяніе ихъ на образованіе расъ, и соединеніе этихъ послѣднихъ въ народы—есть задача антропологии. Наконецъ антропология должна изучать сущность индивидуальности: «*Das Wesen der Individualität zu unterzuchen und zu zeigen, wie sich der grundton der Gattung und der Species in millionenfachen individuellen Variationen verwirklicht und kund gibt.*»

Отъ этихъ широкихъ опредѣленій антропологии перейдемъ къ самому узкому, именно къ опредѣленію Латама (**). Человѣкъ, по его мнѣнію, составляетъ предметъ какъ естественной исторіи, такъ и общей, и именно: «*Man as an animal*» есть предметъ естественной исторіи, «*Man as a moral being*» предметъ общей исторіи. Какъ общая исторія человѣка, такъ и естественная, имѣютъ свои подраздѣленія, и послѣднія дѣлятся: во первыхъ, на антропологию, задача которой есть опредѣленіе отношенія человѣка къ животному міру—«*Anthropology deals with Man as compared with the lower animals*», и во вторыхъ на этнологию, науку о племенахъ—«*Ethology deals with Man in respect to his varieties*». Отсюда выходитъ, что на долю антропологии относится одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ вопросовъ, вопросъ, который если бы и былъ совершенно исключенъ изъ антропологии, то она мало потеряла бы отъ того. Этнографія является у Латама преобладающею частію есте-

(*) Die Anthropologie Dresden 1865. стр. 1—8.

(**) Latham, Man and his Migrations стр. 4, 5, 7.

ственной исторіи человѣка, но эта исторія имѣетъ незави-
дую долю, такъ какъ Латамъ принимаетъ, что главное ос-
нованіе для классификаціи племенъ должна быть лингвисти-
ка. Если лингвистика должна быть исходною точкою, ру-
ководною нитью, въ естественной исторіи человѣка, то тогда
всѣ естественно-историческія данныя получаютъ второсте-
пенное значеніе, являются только придаткомъ, почти что
украшеніемъ. Если принять это въ соображеніе, а также
и то, что этнографы никогда и прежде не нагоняли изъ
своихъ сочиненій естественно-историческія данныя, съ ус-
ловіемъ только, чтобы они не занимали первое мѣсто, то
мы увидимъ, что въ концѣ концовъ съ точки зрѣнія Латама
этнографія является тѣмъ же, чѣмъ ее представляетъ и
Лондонскій этнологическій журналъ, т. е. наукою дѣлаю-
шею совершенно излишнимъ явленіемъ существованіе ан-
тропологій.

Въ сочиненіи Вайца (*) мы находимъ, во-первыхъ, ука-
заніе на то, что антропология есть наука опытная и дол-
жна быть изслѣдуема тѣмъ же методомъ, какъ изслѣдуются
и другіе естественные предметы. «Die Anthropologie als
Erfahrungswissenschaft aufzufassen ist», а потому ее
нужно «auf demselben Wege zu untersuchen, welcher für
die Erforschung aller übrigen Naturgegenstände betreten zu
werden pflegte. Но дааѣ, въ развитіи отношеній антропо-
логій къ культурѣ и въ самой программѣ своего сочиненія,
онъ вводитъ въ задачу антропологии новую сторону — все-
стороннее изученіе первобытныхъ народовъ, которыхъ онъ
описываетъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) этнографиче-
скій очеркъ (племена), 2) психическія особенности, 3) древ-
ности, 4) культура, т. е. у него при описаніи первобытныхъ
народовъ встрѣчаются и такія рубрики, которыя лежатъ внѣ
области естественно-историческаго знанія. Вообще взгляды
Вайца на антропологию таковы: онъ относитъ къ ней во
1) всю естественно-историческую часть знаній о человѣкѣ
и его племенахъ, и во 2) полное описаніе жизни первобыт-
ныхъ народовъ, т. е. такихъ, которые или еще не появлялись
съ своей исторіей, или, у появившихся уже на ней, онъ
относитъ къ антропологии доисторическое время ихъ су-
ществованія.

Итакъ, это обозрѣніе наиболее замѣчательныхъ опреде-
леній антропологии приводитъ насъ къ слѣдующему: этно-
графія и антропология синонимы, и притомъ послѣдній
терминъ лишній (Ethological Journal). 2) Антропология
наука о всей природѣ человѣка, наука о человѣчествѣ
(Гентъ). Этнологія только часть ея. 3) Антропология, наука
о человѣкѣ, раздѣляется — на этнологию, науку о племенахъ,
и общую антропологию. (Брокъ). 4) Антропология есть на-
ука о человѣкѣ, разсматриваемомъ со всевозможныхъ точекъ

зрѣнія (Шиндтъ). 5) Антропология имѣетъ предметомъ изу-
ченіе естественно-историческое человѣка и полное перво-
бытныхъ племенъ (Вайцъ). 6) Антропология изслѣдуетъ со-
отношенія человѣка съ животнымъ царствомъ, этнографія
изслѣдуетъ племена (Латамъ). — Что касается до шепя, то
я смотрѣлъ на содержаніе антропологии нѣсколько иначе
и съ другой точки зрѣнія, удержать которую и провести
въ жизнь мнѣ кажется дѣломъ очень важнымъ, какъ для
успѣха антропологии у насъ въ Россіи, такъ и во избѣжаніе
споровъ, часто безплодныхъ, о томъ что принадлежитъ этой
наукѣ и что этнографіи.

Всѣ предыдущія опредѣленія (кроме Вайца) взяты съ
точки зрѣнія содержанія предмета; я разграничиваю пред-
метъ антропологии также и съ точки зрѣнія метода его
изслѣдованія. Если я говорю здѣсь Я, то это вовсе не въ
томъ смыслѣ, что такая точка зрѣнія принадлежитъ исклю-
чительно и первому мнѣ: она слишкомъ естественна, чтобы
не быть формулированою прежде; она даже выражена въ
формулѣ Латама, она подразумевается у другихъ вышеприве-
денныхъ авторовъ, но у нихъ она, вслѣдствіе иныхъ
соображеній, отошла на второй планъ. Мнѣ принадлежитъ
только то, что при обдумываніи плана антропологическихъ
работъ я именно ее взялъ себѣ за руководящую и, притомъ,
по слѣдующимъ причинамъ.

Человѣкъ и его племена могутъ быть разсматриваемы
съ точки зрѣнія естественно исторической и обще истори-
ческой (подразумѣвая подъ послѣдней и лингвистическую,
и бытовую); классифицировать племена можно тоже осно-
вываясь на данныхъ той или другой области знанія, и клас-
сификація съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія не будутъ
тождественны, будутъ имѣть каждая свое особое значеніе и
поведутъ къ различнымъ даннымъ. Полное пониманіе и зна-
ніе племени, или вообще племени, возможно будетъ только
тогда, когда каждая изъ наукъ выполнитъ приходящуюся
на ея долю задачу. До настоящаго времени наука о чело-
вѣкѣ была еще въ младенчествѣ относительно своей естест-
венно-исторической стороны; у нея не было ни твердыхъ
основаній для классификаціи, ни установившихся методовъ
для изслѣдованія. Поэтому и естественныиспытатели при-
нимали за основу дѣленіе лингвистическое, во-первыхъ, какъ
единственное серьезное и обработанное, а во вторыхъ, какъ
единственно возможное, при имѣвшихся въ наукѣ данныхъ.
Но труды Ретциуса, Бэра, Парижскаго антропологическаго
общества, и такія сочиненія, какъ сочиненіе Гиса о швейцар-
скихъ черепакахъ, Велькера о германскихъ и другія, остави-
ли глубокій слѣдъ, дали возможность естественно-историче-
ской части установиться прочно, выработать свой методъ,
довольствоваться своими данными. Является необходи-
мость серьезной разработки племенъ человѣческихъ, такъ
какъ прежнія имѣвшіяся о нихъ данныя уже не удовлетво-

(*) Anthropologie der Naturvölker, Leipzig 1859 Т. I стр. 4—10

ряютъ современному, если не состоянiю, то требованiю науки. Передъ нашими глазами образовалась естественно историческая наука о человѣкѣ, образовалась въ томъ смыслѣ, что у нея явился свой опредѣленный методъ, свой кругъ дѣйствiй, своя исходная точка для классификаціи. Задача въ томъ теперь, чтобы направить многихъ дѣятелей на изученіе этой вновь созданной отрасли, съ каждымъ днемъ получающей все больше точности и опредѣленности, чтобы распространить тотъ методъ, который такъ усовершенствовался въ краниологiи, и на другія стороны естественно-историческаго изученiя племени. Если до сихъ поръ естественно-историческія свѣдѣнія составляли придатокъ въ этнографическихъ описанiяхъ племенъ, придатокъ не важный, не богатый фактами и выводами, и почти ограничившійся общими обзоренiями и фактами, то теперь эта группа знанiй имѣетъ право претендовать на самостоятельность. Если это такъ, то лучше всего оставить за этою естественно-историческою частью изученiя человѣка и племени названіе антропологiи, оставивъ для этнографiи ихъ изученіе бытовое, культурное и лингвистическое, составляющее специальность филологовъ и историковъ. Чѣмъ больше развивается и достигаетъ самостоятельности какая либо часть науки, тѣмъ лучше; тѣмъ богаче бываетъ наука, чѣмъ специализація исследованийъ достигаетъ въ ней наибольшаго совершенства. Специализированіе же исследованийъ естественно-историческихъ и культурныхъ, или историческихъ, въ отношенiи племени есть дѣло необходимости и единственное условіе успѣха. Слѣдовательно: сущностию самыхъ исследованийъ, современнымъ состоянiемъ науки и возможностью ея успѣховъ въ будущемъ—обуславливается раздѣленіе исследованийъ о человѣкѣ и его племенахъ между двумя различными группами знанiй, пользующимися различными методами, преслѣдующими различныя цѣли. Явленіе, которое для историка вовсе незначительно, то можетъ имѣть большое значеніе въ глазахъ естественнаго зрителя и на оборотъ. Давать въ этомъ случаѣ преобладаніе той или другой точки зрѣнiя и исключительно направлять исследова-

нiя къ дѣламъ той или другой области знанiя — вредно для знанiя вообще. При высказанныхъ выше взглядахъ на антропологiю и этнографiю оказывается или то, что оба эти названiя тождественны, а потому одно изъ нихъ лишнее, или то, что въ изученiи человѣка естественно-историческая сторона должна быть подчинена исторической, или на оборотъ. Притомъ, если признать, что антропологiя и этнографiя синонимы, то для естественно-исторической части нужно сочинить новое названіе. Въ жизни человѣка матеріальная сторона подчинена духовной, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы изученіе анатомiи и физиологiи человѣка должно было быть подчиненнымъ психологiи. Успѣхъ въ томъ, чтобы всѣ науки шли, каждая своимъ путемъ, къ возможному для нихъ совершенству и, достигши его, опѣ по необходимости сольются вмѣстѣ тамъ, гдѣ такое слiянiе возможно. Тоже должно быть и съ двумя отраслями изученiя человѣка и его племени: и здѣсь изученіе ихъ съ матеріальной точки зрѣнiя должно идти независимо и рядомъ съ изученiемъ ихъ съ гуманитарныхъ точекъ зрѣнiя. Естественно-историческая часть этого наученiя можетъ и должна пользоваться данными, добытыми историческою отраслью, и наоборотъ; но это заимствованіе должно быть въ необходимыхъ только случаяхъ и быть явленiемъ случайнымъ въ томъ смыслѣ, что у каждой отрасли должна быть своя цѣль, свое содержаніе, свой методъ.

Итакъ, съ моей точки зрѣнiя антропологiя не есть наука о человѣкѣ, а этнографiя наука о племенахъ. Какъ та, такъ и другая, исследуютъ и человѣка, и племена; только одна есть наука естественная, другая историческая. Если уже необходимо нужно для въ величественности знанiя науки вообще—поставить выше отдѣльныхъ наукъ какую либо науку, суммирующую въ себѣ все добытое о человѣкѣ на всѣхъ путяхъ знанiя, то не лучше ли, слѣдуя старинному примѣру назвать такую науку микрокосмосомъ или микрокосмомъ, подобно тому какъ Гумбольтъ въ своемъ Космосѣ, наукѣ о вселенной, соединилъ все, что добыто для изученiя ея различными отдѣльными науками.

Курганы Московской губерніи подвергались не разъ уже раскопкамъ и исследованiю. Раскапывали ихъ, въ особенности подъ Москвою, многіе любители изъ простаго любопытства: раскапывали ихъ и крестьяне, по большей части съ цѣлю искать въ нихъ клады. Но къ счастью, ихъ раскапывали также и специалисты, собравшіе много интереснаго матеріала. Нѣкоторые специалисты, исключительно

археологи, издали описаніе своихъ раскопокъ, другіе, къ сожалѣнiю, не сообщили ихъ публикѣ. Изъ изданныхъ раскопокъ мнѣ извѣстны слѣдующія: раскопки гг. Чертова, Нечаева, Иванншова, Гатцука. Считаю самымъ полезнымъ введенiемъ къ моему сочиненiю—изложеніе сущности результатовъ предыдущихъ раскопокъ, такъ какъ послѣ обзорѣнiя ихъ для читателя станетъ яснѣе, какъ заслуга

каждаго изъ предшествовавшихъ имъ исследователей, такъ и выяснится то немногое новое, что удалось имъ внести въ курганографію Московской губерніи.

Раскопки Черткова производились въ 1838 и 1845 годахъ. Описаніе первой раскопки помѣщено въ «Историческомъ сборникѣ» издаваемомъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (т. III, стр. 284—292, рисунки 1—18, 1838). Описаніе второй раскопки, вмѣстѣ съ перепечаткою первой, издано подъ заглавіемъ «Описаніе найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ древностей» въ первомъ томѣ, записокъ Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества (т. I, стр. 234—254, таб. XV). Главнѣйшіе факты, полученные г. Чертковымъ слѣдующіе:

а. Раскопка въ 1838 году производилась при семь Верхогрязь Звенигородскаго уѣзда, въ 42 верстахъ отъ Москвы, 5 отъ Звенигорода и 1½ в. отъ Москвы рѣки Бурганы, числомъ 16, помѣщены близко одинъ отъ другаго и не представляютъ какова либо правильнаго размѣщенія; 11 изъ нихъ можно назвать большими и 5 малыми. Насыпь кургановъ, состоящая изъ глинны, песку и чернозема, была вѣроятно взята въ недалекомъ разстояніи, такъ какъ близъ Москвы рѣки находятся рыи, а около кургановъ видны ямы и углубленія. Древность насыпей, по мнѣнію г. Черткова, доказывается во 1) тѣмъ, что въ курганахъ нѣтъ ни одной желѣзной вещи, а все сплавы мѣди съ какии либо легко плавкимъ металломъ. 2) большіе пни на курганахъ показываютъ, что прошло много времени со времени ихъ насыпки, такъ какъ на нихъ успѣлъ вырасти огромный лѣсъ. 3) У одного остова на большомъ пальцѣ правой ноги находился перстень, а такъ какъ неизвѣстно, чтобы славяне употребляли такое украшеніе на ногахъ, то курганы насыпаны до водворенія въ Московской губерніи славянъ.

Первый раскопанный курганъ имѣлъ видъ остраго конуса, высота его 2 сажени, окружность 16 сажень 1 аршинъ. Насыпь состояла изъ двухъ слоевъ, во 1 изъ сѣроватой земли и 2) изъ желтаго песку и глинны. На глинистомъ слоѣ найденъ на глубинѣ 3 ар. отъ вершины первый костякъ, лежавшій на лѣвомъ боку и по направленію отъ З. къ В. На немъ найдены слѣдующія вещи: 1) на головѣ витой жгутъ изъ мѣдной толстой проволоки, 2) ожерелье изъ мелкихъ (числомъ 32) бусъ, въ числѣ которыхъ находятся янтарныя. 3) На правой рукѣ, на ¼ ниже плеча, витой браслетъ изъ 4 мѣдныхъ проволокъ. 4) На указательномъ пальцѣ той же руки мѣдный рѣшетчатый перстень. 5) На лѣвой рукѣ близъ кисти витой браслетъ изъ двухъ толстыхъ мѣдныхъ проволокъ; 6) обломокъ мѣдной серьги. Вправо отъ черепа, на разстояніи одного аршина, найденъ довольно большой осколокъ горшка

изъ черной глинны и нѣсколько кусковъ угольевъ, которыми вѣроятно онъ былъ наполненъ.—Второй костякъ найденъ былъ на аршинъ глубже и нѣсколько лѣвѣе первого, хотя и въ томъ же положеніи какъ и первый. Кости были большаго размѣра, вещей не было. Очевидно этотъ двухарусный курганъ заключалъ въ себѣ верхній женскій и нижній мужской скелетъ.

Второй курганъ, лежавшій на аршинъ отъ первого къ В., представлялъ продолговатую овиру, имѣвшую въ окружности 5 сажень и въ высоту 3½ аршина. На аршинъ ниже материка, въ песку, найденъ костякъ въ томъ же положеніи, какъ и два первые въ первомъ курганѣ. Вещи, найденныя здѣсь, были: 1) у лѣвой стороны черепа серьга изъ мѣдной тонкой проволоки и мѣдная подвѣска, обвитая плоскою проволокою; 2) близъ кисти лѣвой руки мѣдный витой браслетъ въ три толстыя проволоки; 3) на большомъ пальцѣ правой руки мѣдный рѣшетчатый перстень; 4) подлѣ кисти правой руки мѣдный, трехгранный, плетенный изъ 8 тонкихъ проволокъ браслетъ. Скелетъ очевидно женскій.

Третій курганъ, большой, въ окружности 20 сажень, въ высоту 6½ аршинъ. Фигура его подобна усѣченному конусу, поперечникъ верхней плоскости котораго имѣлъ 3 аршина. Первый слой насыпи, весьма тонкій, состоялъ изъ чернозема, остальная часть изъ глинны и песку, перемѣшаннаго съ кремнистыми камнями. По срединѣ кургана, у самаго основанія его, найденъ костякъ, на костяхъ коего видны были сохранившіеся куски темнаго, довольно тонкаго сукна. Изъ вещей найдено: 1) двѣ мѣдныя съ насѣчкою прижки, вѣроятно съ пояса. 2) 2 небольшихъ куска кожи (отъ пояса) возлѣ лѣваго бока на разстояніи ¼ аршина отъ костей. 3) На большомъ пальцѣ правой ноги витое мѣдное кольцо, покрытое какимъ то темнымъ лакомъ; концы кольца не спаяны, но только сведены вмѣстѣ.

Четвертый курганъ, самый большой, находился къ В. отъ послѣдняго на разстояніи 9 аршинъ и имѣлъ въ окружности 105 аршинъ; къ вышнему, отъсно къ площади земли, 9 аршинъ. Форма его конусообразная; въ насыпи, сравнительно съ предыдущими курганами, замѣчалась большая примѣсь кремнистыхъ частей и бѣловатой глинны. Въ этомъ курганѣ найдено три костяка. Костякъ 1 найденъ на глубинѣ 1½ аршинъ, на немъ не было никакихъ вещей, кромѣ нѣсколькихъ лоскутковъ иставшаго сукна. На 1¼ аршина глубже найденъ костякъ 2, кости котораго сохранились очень хорошо. На немъ найдено: 1) на черепѣ металлическій отломокъ (?) съ насѣчкою; 2) серьги, по три бляхи съ каждой стороны, мѣдныя, чеканенныя; 3) около шеи жгутъ мѣдный, свитой изъ трехъ проволокъ; 4) близъ кисти лѣвой руки витой изъ мѣдной проволоки браслетъ. 5) На указательномъ пальцѣ

правой руки 2 мѣдныхъ кольца и одинъ на мизинцѣ. 6) На большомъ пальцѣ лѣвой руки перстень; 7) около бедерныхъ частей найдены бубенчики, вѣроятно служившія украшеніемъ пояса. 8) Близъ головы остова найдены разбитыя горшочки изъ черной глины и вокругъ него уголья. — *Костяки* 3 найдены еще на аршинъ глубже: и при немъ, 1) 2 мѣдныхъ серьги, по одной съ каждой стороны, 2) около шеи мѣдный жгутъ изъ проволоки; 3) около шеи, подъ жгутомъ, ожерелье изъ 5 продолговатыхъ сердоликовъ и шести продолговатыхъ кварцевыхъ шариковъ. 4) Близъ плеча правой руки браслетъ мѣдный, плетеный изъ 4 витыхъ проволокъ; 5) Близъ плеча лѣвой руки тоже мѣдный браслетъ, витой изъ 3 проволокъ; 6) изъ правой руки близъ кисти мѣдный съ настькою браслетъ; 7) близъ кисти лѣвой руки тоже мѣдный браслетъ. 8) На указательномъ пальцѣ правой руки перстень и кольца, на среднемъ пальцѣ перстень и на мизинцѣ кольцо. 9) На большомъ пальцѣ лѣвой руки перстень, а на мизинцѣ два кольца.

Раскопка 1845 года происходила въ томъ же селѣ и было разрыто еще 7 кургановъ.

Пятый курганъ имѣлъ въ окружности 54 аршина и въ высоту 3 аршина. Почва земля, на которой расположены курганы черноземъ, а самые курганы состоятъ: верхняя часть изъ песку, средняя изъ песку съ примѣсью желтоватой глины, а нижняя изъ темножелтой глины съ сѣрватою землею. На поверхности кургана росли дубы дѣтъ 30, а на протяженіи всей одной стороны замѣчалась яма глубиною въ $\frac{3}{4}$ аршина. При вскрытіи этого кургана на $\frac{2}{3}$ аршина найдены 2 металлическихъ вещицы. На $1\frac{1}{4}$ глубже найдены полуистлѣвшій остовъ съ довольно сохранившимся черепомъ. Изъ вещей найдено: 1) ожерелье изъ круглыхъ шариковъ горнаго хрустала и изъ почти осьмиугольной продолговатой формы красножелтыхъ сердоликовъ; 2) мѣдный крестикъ; 3) на рукахъ 2 мѣдныхъ браслета; 4) на шеѣ витой мѣдный жгутъ. 5) На среднемъ пальцѣ правой руки три кольца и на прочихъ по одному; 6) ниже реберъ куски истлѣвшаго ремня, и на одномъ кускѣ кольцо, а немного ниже этого пояса бубенчики. 7) Костякъ весь усыпанъ угольями различной величины.

Шестой курганъ имѣлъ въ окружности 105 аршинъ. Остовъ найдены на глубинѣ 5—6 аршинъ въ особенно замѣчательномъ положеніи. Онъ не лежалъ какъ прочіе; всѣ кости находились въ безпорядкѣ около черепа, иныя на разстояніи полуаршина отъ него. Чертковъ думаетъ, что положеніе костей легко объясняется, если предположить, что покойникъ былъ погребенъ сидящимъ на стулѣ. «До тѣхъ поръ пока стулъ не истлѣлъ, тѣло находилось въ вертикальномъ положеніи, но при разрушеніи сѣдальца всѣ кости неминуемо должны были упасть въ то отверстіе, которое прежде было наполнено этииъ стуломъ и еще пе-

разрушеннымъ тѣломъ усопшаго. Такимъ образомъ всѣ кости и позвонки очутились вокругъ черепа, а земля въ продолженіи вѣковъ осѣла и совершенно наполнила прежнее пустоту. Вещей ни какихъ не найдено». — Въ томъ же курганѣ, на полъ аршина вправо, найдены были другой костякъ въ обыкновенномъ положеніи и длиною въ 2 ар. съ $\frac{1}{2}$. При немъ слѣдующія вещи: 1) подлѣ ушей серьги, и у каждой по 3 подвѣски. 2) Часть бѣлокурыхъ волосъ; 3) ожерелье изъ стекловидныхъ бусинокъ. 4) Витой жгутъ на шеѣ; 5) на обѣихъ рукахъ, между плечомъ и кистью, по мѣдному браслету. 6) Несколько мѣдныхъ колецъ на пальцахъ обѣихъ рукъ.

Изъ остальныхъ разрытыхъ пяти кургановъ въ каждомъ найдено по одному остова, лежавшему безъ всякихъ вещей въ направленіи отъ З. къ В. Хотя Чертковъ по отсутствію оружія и предполагаетъ, что это женскіе костяки, но всего вѣроятнѣе, что то были мужскіе костяки, такъ какъ они только встрѣчаются въ московскихъ курганахъ почти исключительно безъ всякихъ украшеній. «Странно, говорятъ далѣе Чертковъ, что нѣкоторые изъ остова найдены не въ томъ правильномъ и спокойномъ положеніи, которое обыкновенно изобличаетъ людей прежде усопшихъ и потомъ уже положенныхъ въ могилу. Такъ на примѣръ: одинъ остовъ имѣлъ колѣни и самый тазъ нѣсколько поднятыи вверхъ въ отношеніи къ прочимъ частямъ костяка. Другой найдены повернутымъ на правый бокъ такъ, что и самая спинная кость уже находилась на верху, а не внизу остова. У одного лѣвая нога была вытянута прямо, а правая согнута и между пятками обѣихъ ногъ было разстояніе на цѣлый аршинъ. Все это не ведетъ ли къ заключенію, что найденные остова принадлежали женщинамъ, засыпаннымъ живыми въ этихъ могильныхъ курганахъ? Должно еще прибавить, что всѣ собранные мною черепа имѣютъ полное, въ обѣихъ челюстяхъ, количество зубовъ, и въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного подвѣржкаго гниенію. Это уже несомнѣнное доказательство, что всѣ эти женщины были въ цвѣтѣ лѣтъ, и между ними не было ни одной достигшей того возраста, когда зубы начинаютъ портиться».

Черпна отъ этихъ раскопокъ отправлены въ Академію Наукъ. Свою статью о раскопкахъ Чертковъ оканчиваетъ вопросомъ: «какой народъ насыпалъ эти могильные курганы?» Отвѣчая на это, Чертковъ прежде всего старается доказать, что народъ этотъ былъ не Финскаго племени. «Всѣ Финскія племена, даже жившія по Балтійскому морю и имѣвшія сношенія съ просвѣщеннѣйшими народами, никогда не выходили изъ полудикаго состоянія. Они едва существовали, влача бѣдную жизнь среди лѣсовъ и болотъ, и всегда принадлежали другимъ сильнѣйшимъ и болѣе ихъ образованнымъ народамъ: на Сѣверѣ Шведамъ и Нѣмцамъ, а у насъ платили дань Руссамъ. Мы не можемъ имѣть въ виду

финскія племена при опредѣленіи древностей, найденныхъ въ Московской губерніи. Онѣ указываютъ на народъ, у котораго искусства были на гораздо высшей степени, чѣмъ даже у пышнѣйшихъ Финновъ, или по крайней мѣрѣ на такой, который имѣлъ средства доставать свои украшенія отъ другихъ народовъ, находившихся съ нимъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Сверхъ того, всѣ мною видѣнные могильные курганы расположены въ Московской губерніи по теченію и на самыхъ берегахъ судоходныхъ рѣкъ и рѣчекъ въ нихъ впадающихъ: въ коломенскомъ уѣздѣ на Окѣ, въ московскомъ и звенигородскомъ при рѣкѣ Москвѣ и ихъ притокахъ. Финскія же племена не означены въ исторіи ни воинскими предпріятіями, ни обширною торговлею, ни значительнымъ искусствомъ въ построеніи судовъ. Для объясненія нашихъ древностей намъ остается одинъ только народъ, разлѣзавшій въ своихъ челнокахъ въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ по всѣмъ рѣкамъ текущимъ въ Россіи. То были Варяго-Руссы, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, держа путь съ С. въ это именно время должны были неминуемо плавать по Москвѣ, дабы ею попасть въ Оку и другіе притоки Волги. Последнею рѣкою они доплывали до Каспійскаго моря издѣсь производилъ тѣ знаменитые разбои, о которыхъ свидѣлствуютъ Масъуди и другіе арабскіе писатели». Затѣмъ Чертковъ старался подтвердить свое положеніе сравненіемъ Московскихъ вещей съ такими же найденными Крузе въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Статью свою о раскопкахъ Чертковъ заключаетъ опредѣленіемъ эпохи насыпки кургановъ. При этомъ онъ руководствуется слѣдующимъ: изъ сдѣланныхъ разложеній мѣдныхъ монетъ и вещей древне-греческой работы оговаривается, что Элліны никогда не прибавляли цинку въ свои мѣдныя произведенія. Римляне стали примѣшивать цинкъ со времени Августа; отсюда заключеніе, что древности, находимыя на сѣверѣ и неизмѣющія цинка, должны относиться ко времени до Р. Х., а съ цинкомъ къ позднѣйшему времени. Профессоръ Гейманъ разлагалъ вещи и цинку въ нихъ не нашелъ, слѣдовательно, говорятъ Чертковъ, наши звенигородскія древности относятся къ отдаленной эпохѣ.

Раскопки въ селѣ Успенскомъ помѣщены въ первомъ выпускѣ «Древностей», изданныхъ временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. 1846 г. Кіевъ, стр. 22.

Село Успенское, принадлежащее генералъ адъютанту Бибинову, находится въ 30 верстахъ отъ Москвы. Мѣсто, гдѣ находились курганы, представляетъ съ запада отлогость, идущую къ Москвѣ рѣкѣ, а съ востока равнину. Курганы, числомъ 24, были разной величины: наибольшій имѣлъ 12 сажень въ окружности и 2 1/2 аршина въ высоту; са-

мый меньшій—3 сажени въ окружности и 2 1/4 въ высоту. Курганы однообразно конической формы. Верхній слой ихъ состоялъ изъ чернозема, на которомъ росли деревья, илѣвшія болѣе ста лѣтъ. Внутренность кургановъ—песчаная насыпь. Въ среднѣхъ кургановъ, почти въ уровень съ поверхностью земли, открыты были скелеты: въ двухъ курганахъ найдено по два скелета вмѣстѣ, во всѣхъ прочихъ по одному. Подъ однимъ скелетомъ мѣсто казалось выжженнымъ. Въ шести курганахъ найдены слѣдующія вещи: 1) кругъ изъ красной мѣди на черепѣ скелета, 2) мѣдное украшеніе на груди, 3) мѣдныя фибуры у пояса, 4) перстень на палецѣ лѣвой руки, 5) остатокъ желѣзной цѣпи въ некоторомъ отдаленіи отъ скелета, 6) мѣдныя браслеты на рукахъ. Въ прочихъ курганахъ ничего кромѣ костей не найдено. Кости истлѣвшія. Величина скелетовъ необыкновенная (?).

Раскопка Нечаева помѣщена во временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ (1855, книга 22) подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о разрытіи десяти кургановъ въ Бронницкомъ уѣздѣ», съ таблицю.

«Въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи, говоритъ Нечаевъ, при селѣ Тихвинскомъ, Авдотьяно тожъ (принадлежавшемъ некогда Николаю Павловичу Новикову) въ 18 верстахъ въ право отъ города Бронницъ, на высокомъ берегу рѣчки Сѣверки и въ лѣсу—разрыто десять кургановъ, изъ которыхъ въ каждомъ найдено по одному остову, длиною 2 ар. 12—13 вершковъ. Одинъ остовъ лежалъ навзничъ, другіе бокомъ, руки и ноги врозь; но всѣ обращены ногами къ В. Грунтъ кургановъ черноземъ а насыпь глинистая. Въ ногахъ каждого остова найдено по горшку, изъ которыхъ иные изъ синей глины, а другіе желтые муравьиные; подлѣ горшковъ уголья. Въ пяти курганахъ кромѣ горшковъ найдены слѣдующія вещи: 1) на грудномъ колѣ (у каждого остова по одному) четыре ятые обруча, изъ нихъ три серебряныя, а четвертый мѣдный; 2) 14 штукъ большихъ подвѣсокъ съ городками и насѣчками изъ сплава серебра съ другимъ какии-то металломъ. Подвѣски находились около черепа, въ иномъ курганѣ по двѣ у каждого уха, а въ иномъ по одной. Подъ некоторыми лежали волосы, заплетенные какъ бы въ косы и наложенные въ какую то шерстяную ткань. 3) Семь колецъ, изъ коихъ одно серебряное, а прочія изъ сплава серебра. 4) 2 серебрянныхъ витыхъ браслета, у двухъ остововъ по одному на правой рукѣ; 5) серебряная вещица, въ видѣ трехъ листиковъ съ звѣздочкою, для шнура. 6) 22 бусины, изъ коихъ 12 продолговатыхъ сердоликовыхъ, 9 бѣлыхъ круглыхъ изъ горнаго хрустала, величиною въ орѣхъ. Бусы находились подлѣ ушныхъ подвѣсокъ и у 4 костяковъ; при пятомъ въ правой рукѣ найденъ довольно большой перержавленный

серпъ, вѣроятно имѣвшій деревянную рукоятку, ибо при немъ найдено у нижняго конца металлическое довольно толстое кольцо, которое вѣроятно прежде находилось на деревянной рукоятки. Этотъ остовъ при разрытіи оказался въ разбросанномъ видѣ. При остальныхъ пяти остовахъ, кромѣ горшковъ въ ногахъ, не найдено никакихъ вещей; изъ шихъ два оказались зарытыми въ половинѣ курганной насыпи.

Раскопки г. Гатцука. Въ 1865 г. въ приложеніи къ первому тому «Древностей», изданія Московскаго Археологическаго Общества, напечатана статья: «Исслѣдованіе кургановъ Московской губерніи въ 1863 и 1864 годахъ», принадлежащая г. Гатцуку. Статья эта заключаетъ въ себѣ во 1) данныя о раскопкахъ, 2) взглядъ на курганы въ Московской губерніи, и 3) мнѣніе о томъ племени, которому принадлежатъ черена изъ московскихъ кургановъ. Въ этой послѣдовательности я сгруппирую факты, сообщенныя г. Гатцукомъ.

Раскопки 1863 г. Курганы двухъ группъ селъца Потапова, близъ Екатеринбургской пустыни Подольскаго уѣзда. «Два кургана троничной группы болѣе плоскаго вида представляли несомнѣнное, самое близкое сродство съ 6 курганами группы прямолинейной или параллельной, болѣе высокаго куполообразнаго вида (= $\frac{1}{2}$ шара). Способъ постройки и тѣхъ и другихъ кургановъ одинаковъ: почва покрыта пепловидною землею, выше — остовъ погребеннаго, да еще — сплошная масса изъ мѣстной глинны, частію перемѣшанной съ углемъ. Разница только въ различномъ образованіи скатовъ и въ объемѣ. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы вещи одинъ и тотъ же — плохо очищенная мѣдь, бронза и искусственная смѣсь мѣди съ незначительною частію золота (въ одномъ курганѣ 2 группы), весьма плохое серебро, сердоликъ и прозрачный кварцъ. По свойствамъ своему вещи одинаковыя — кольца преимущественно безъ спайки, такія же браслеты, серьги, гривны (шейные обручи) и бусы, т. е. только женскія украшенія. (При одномъ позднѣйшемъ черепѣ найденъ небольшой остатокъ пучка шерстяныхъ крученыхъ шнуровъ, служившихъ какимъ-то головнымъ украшеніемъ. Найденныя, при нѣкоторыхъ другихъ женскихъ черепахъ, волосы были не блѣдыя, а довольно темныя). Оружія — нигдѣ. Желѣза и стекла нѣтъ признаковъ». (стр. 6). Какъ въ той, такъ и въ другой группѣ кургановъ, мужскіе остовы обыкновенно не ограждены досками, и даже положены не на доскѣ, а на голой землѣ или пеплѣ, въ нѣкоторомъ возвышеніи надъ почвою. Въ одномъ лишь курганѣ 2-ой группы найденъ мужской остовъ, лежащій въ склепѣ изъ довольно толстыхъ брусевъ. Надъ этимъ остовомъ, на аршинъ выше его головы найденъ женскій остовъ съ украшеніями. При мужскихъ остовахъ — ни вещей, ни даже оружія. При двухъ остовахъ

параллельной группы найдены лишь остатки какой-то выдѣланной кожи, помѣщавшіяся ниже бедра. Не при всѣхъ мужскихъ остовахъ найдены даже глиняные горшки, обыкновенно помѣщающіеся въ $\frac{1}{2}$ аршина отъ ногъ остова и заключающіе въ себѣ, или остатки какой-то мелкой пшеницы (какъ въ курганѣ 2 группы) или вмѣстѣ съ тѣмъ остатки лапокъ ястреба или сокола (въ курганѣ 1-ой группы). Женскіе остовы, напротивъ, въ курганахъ обѣихъ группъ найдены съ разными украшеніями. При одномъ остовѣ сохранились признаки обуви — часть деревянной подошвы. Погребенные, какъ должно полагать, лежали на доскахъ и даже ограждены были со всѣхъ сторонъ досками. Надъ этими женскими остовами возведены самые высокіе курганы въ группѣ, такъ что наибольшій курганъ всегда можно считать женскимъ». (стр. 7). «Положеніе остововъ въ курганахъ обѣихъ группъ почти одинаково: они находятся въ лежащемъ положеніи, ногами обращены вообще къ В., голова наклонена на лѣво, т. е. лицомъ къ С.-В. Тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе незначительное пространство между тою и другою группою, замѣчается также и значительная разница: въ 1-ой гр. остовы лежатъ ногами къ NO, во 2-ой къ SO; въ 1-ой гр. — положеніе рукъ вдоль остова, во второй правая рука на груди, лѣвая на локтевой кости. Такая разница въ положеніи остововъ, равно какъ и въ вещахъ, указываетъ по крайней мѣрѣ на то, что та и другая группа кургановъ принадлежитъ различнымъ временамъ одного и того же племени, потому что нельзя же допустить мысль, что два рода одного и того же племени, живя одновременно въ $\frac{1}{4}$ версты другъ отъ друга, могли даже настолько развиться между собою не только по вещамъ, но и по религиознымъ обрядамъ». (Стр. 9) Далѣе г. Гатцукъ высказываетъ мысль, что находеніе въ одномъ и томъ же курганѣ двухъ остововъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ, можно легко объяснить случайностію, т. е. темъ, что вдову не кому было почтить особымъ высокимъ курганомъ, или ея собственною предсмертною волею. Что касается до трехъярусныхъ кургановъ, то въ нихъ не встрѣчается болѣе двухъ основныхъ остововъ, т. е. остововъ, принадлежавшихъ племени, создавшему эти могилы; третій же остовъ по всему вѣроятію есть явленіе случайное, (Тамъ же стр. 9)

б. Раскопки 1864 года производились въ двухъ группахъ кургановъ, находящихся верстахъ въ двухъ на Оотъ Потаповскихъ кургановъ. Одна изъ этихъ, примыкающихъ другъ къ другу группъ, состоитъ изъ 9 обыкновенныхъ въ этой мѣстности кургановъ большаго калибра, по формѣ своей равняющихся полушарію. Курганы расположены здѣсь однако не въ параллельномъ, а въ шахматномъ порядкѣ по направленію отъ NO на SW. Особеннаго въ направленіи ихъ видѣ лишь то, что каждый изъ нихъ обве-